

Соотношение русских конструкций, содержащих деепричастия на -мши, со славянским и балтийским accusativus cum participio

Ф. Б. Альбрехт^{1,2,3}

¹Литературный институт им. А. М. Горького, Москва, Россия

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

³Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
reductio1@yandex.ru

Аннотация. В статье показывается, что конструкции с деепричастиями на -мши во вторичной предикативной функции – это явление русского языка, непосредственно не выводимое из оборота accusativus cum participio. Такие конструкции – это или контаминация развернутой и полусвернутой предикаций, или случай, когда деепричастие выступает в адвербиальной функции, но в контексте начинает проявлять не только обстоятельственную зависимость от глагола, но и соотносительность с объектом, проявляющим свойство субъекта-носителя результиративного состояния.

Ключевые слова: accusativus cum participio, деепричастие, субъект-объектные отношения, русский язык, славянские языки, балтийские языки

Для цитирования. Альбрехт Ф. Б. Соотношение русских конструкций, содержащих деепричастия на -мши, со славянским и балтийским accusativus cum participio // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13(868). С. 9–16. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_9

Original article

The Correlation of the Russian Constructions, Including the Adverbial Participle with the Suffix -mshi, with Slavic and Baltic Accusativus Cum Participio

Fedor B. Albrekht^{1,2,3}

¹Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

³Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
reductio1@yandex.ru

Abstract. Abstract. The article discusses the point of view that the constructions, which include the predicative adverbial participle with the suffix -mshi, are not directly deduced from the accusativus cum participio. Sometimes they are a contamination of two predicative constructions, and sometimes the adverbial participle functions as an adverbial modifier of an attendant state; in the latter case the adverbial participle has also a correlation with the object, so that the object can be interpreted as a subject experiencing some state as a result of previous actions.

Keywords: accusativus cum participio, adverbial participle, subject-object relations, the Russian language, the Slavic languages, the Baltic languages

For citation: Albrekht, F. B. (2022). The Correlation of the Russian Constructions, Including the Adverbial Participle with the Suffix -mshi, with Slavic and Baltic Accusativus Cum Participio. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 9–16. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_9

ВВЕДЕНИЕ

В работе «К вопросу о моносубъектности / немоносубъектности деепричастного оборота и основного высказывания в современном русском языке» мы упомянули, что в русском языке «бывают отдельные маргинальные случаи... когда с помощью... деепричастия характеризуется второстепенное действие объекта главной клаузы» [Альбрехт 2020, с. 265–266], и привели, в частности, пример *Ну, уж это поздравляю вас сограми!* Тогда же мы предположили, что, возможно, такие случаи являются реликтом *participium praedicativum*, соотносимого с прямым объектом, в конструкции *accusativus cum participio*, но не исключили, что это может быть и собственно русское явление, каким-то образом связанное с диалектным и / или просторечным употреблением деепричастия, как в примере *Он выпимши* [там же]. В данной статье мы хотели бы подтвердить второй тезис: конструкции вроде *Это она выпимши меня видала* и *Поздравляю вас, гражданин, сограми* непосредственно не выводятся из индоевропейской (в частности балтийской и славянской) конструкции *accusativus cum participio*, а формы типа *выпимши* – это не реликт *participium praedicativum*, соотносимого с прямым объектом.

1. СООТНЕСЕНИЕ АНАЛИЗИРУЕМЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ACCUSATIVUS CUM PARTICIPIO ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

На первый взгляд, конструкции вроде *Это она выпимши меня видала* и *Поздравляю вас, гражданин, сограми* имеют вполне очевидную общность с *accusativus cum participio* других индоевропейских (древних и современных) языков, поскольку, как можно подумать, это – реликт того состояния, когда старославянские и древнерусские причастия употреблялись предикативно: причастие в винительном падеже является вершиной пропозиционального актанта, присоединяемого к глаголу основного высказывания. Сопрягаясь с именем в винительном падеже (логическим подлежащим), это причастие выступает в роли логического сказуемого (*participium praedicativum*); см. примеры из церковнославянского, латинского и древнегреческого языков:

- (1) Видѣ два брата (ACC.DUAL.M) ... вметающа (PprA. ACC.DUAL.M) мрежи въ море...;
- (2) Vidit duos fratres (ACC.PL.M) ... mittentes (PprA. ACC.PL) rete in mare «Он увидел двух братьев... забрасывающих сети в море»;

(3) Εἶδεν δύο ἀδελφούς (ACC.SG.M)... βάλλοντας (PprA. ACC.PL) ἀμφίβληστρον εἰς τὴν θάλασσαν «Он увидел двух братьев... забрасывающих сети в море» (Мф. 4:18);

(4) ωни же, видѣвше его (ACC.SG.M) ходяща (PprA. ACC.SG.M) по морю, мнѣху призракъ быти...;

(5) At illi, ut viderunt eum (ACC.SG.M) ambulante (PprA.ACC.SG.M) super mare, putaverunt phantasma esse... «Они же, увидев, что он ходит по морю, подумали, что это призрак»;

(6) Οἱ δὲ ἰδόντες αὐτὸν (ACC.SG.M) ἐπὶ τῆς θαλάσσης περιπατοῦντα (PprA.ACC.SG.M) ἔδοξαν ὅτι φάντασμα ἐστίν... «Они же, увидев, что он ходит по морю, подумали, что это призрак» (Мк. 6:49).

Данный оборот в редких случаях фиксируется исследователями и в русском языке, хотя он и носит устаревший характер, например:

- (7) Ласточку свою он видит на снегу замерзшую (Крылов) [Соболевский 2009, с. 329];
- (8) Он очень удивился, услышав ее (= собачку) говорящую (Гоголь) [там же].

Об устаревшем характере последних двух примеров свидетельствует история причастий в славянских языках. Так, А. А. Пичхадзе, специально останавливаясь, среди прочего, на обороте *accusativus cum participio*, отмечает, что с самого раннего периода в этой конструкции фиксируются неизменяемые причастия (стоящие в краткой форме именительного падежа множественного числа мужского рода), например:

(9) а не оклевештеши оучителя немощь. югда видиши оученика (ACC.SG.M) прѣданѣште (PprA) (Супрасльская рукопись);

(10) оу Хотѣслава ми было гривн[а] възати: а творять и (ACC.SG.M) пе[ре]ставивъше (PpstA) (берест. гр. №1020, вт. пол. XII в.) [Пичхадзе 2016, с. 507].

Согласно данным А. А. Пичхадзе, «аналогичные несклоняемые формы в конструкции *accusativus cum participio* нередко фиксируются в хорватских глаголических текстах XV–XVI вв.» [там же], причем неизменяемая форма причастия и здесь представляет собой, по мысли исследовательницы, застывшую форму именительного падежа множественного числа мужского рода:

- (11) i vidi nikie (ACC.PL) idući (PprA) v pus'tinū raz'boi činiti «и увидел неких, идущих в пустыню разбойничать»;
- (12) uzre orla (ACC.SG.M) idući (PprA) k sebe «увидел орла, приближающегося к себе»;

(13) *vide ženu v'dovicu (ACC.SG.F) beručī (PprA) dr'va* «увидел женщину-вдовицу, собирающую дрова» [Пичхадзе 2016, с. 507].

Таким образом, А. А. Пичхадзе делает предположение, что «... в accusativus cum participio, как и в инфинитивных конструкциях, в славянских языках уже в эпоху древнейших памятников предикативное причастие утрачивало согласование с субъектом, выраженным формой винительного падежа» [там же] (здесь, конечно, имеется в виду субъект второй пропозиции. – Ф. А.). Практически та же самая картина – утрата согласования предикативного причастия с субъектом в форме винительного падежа – наблюдается и в балтийских языках: «в позиции согласуемого пропозиционального актанта находится особая нефинитная форма – *несогласуемое причастие* (выделено П. М. Аркадьевым. – Ф. А.) (в традиционной литовской терминологии такие формы называются *деепричастиями* (выделено П. М. Аркадьевым. – Ф. А.) ..., литов. «padalyvis» ...), выражающее грамматическое время» [Аркадьев 2011, с. 45]. Например:

(14) литов. *Sakiau tėvą (ACC.SG.M) gerai gyvenant (ADVP.PRES.)* «Я говорю отца хорошо живя» [Аркадьев 2011, с. 44];

(15) *Parėjo namo ir rado sūnų (ACC.SG.M) užgimus (ADVP.PST)* «Пришел домой и нашел / обнаружил сына родившись» [Булыгина, Синёва 2006, с. 130];

(16) латыш. *Es nekad neesmu redzējis savu draugu (ACC.SG.M) gaudam (ADVP.PRES.)* «Я никогда не видел своего друга плача» [Векслер, Юрик 1987, с. 326];

(17) *Putni jūt tuvojamies (ADVP.PRES) pavasari (ACC. SG.M)* «Птицы чувствуют приближаясь весну» [Сталтмане 2006, с. 177];

(18) латгал. *Radzu jūs (ACC.PL.) raudim (ADVP.PRES.)* «Вижу их плача» [Брейдак 2006, с. 206];

(19) *Dzieržu jūs (ACC.PL.) runojamīs (ADVP.PRES.)* «Слышу их разговаривая» [там же].

2. АНАЛИЗ РУССКИХ ПРИМЕРОВ И ДОВОДЫ В ПОЛЬЗУ ИХ ТРАКТОВКИ КАК РЕЛИКТОВ ACCUSATIVUS CUM PARTICIPIO

Рассмотрим следующие примеры из современного русского языка:

(20) Ну, уж это поздравляю вас соврамши!
(А. Островский. *Невольницы*).

(21) Поздравляю вас, гражданин, соврамши!
(М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*).

(22) Это она выпимши меня видала, пошумел я...
(И. Шмелев. *Лето Господне*).

(23) А за рулем меня никто ни разу выпимши не видал и никогда не увидит (В. Шукшин. *Раскас*).

(24) Тебя я выпимши не знаю, какой ты есть, а Михаил у нас ой нехороший (В. Распутин. *Последний срок*).

На первый взгляд, эти примеры можно трактовать исходя из той же логики, что и оборот accusativus cum participio. Приведем доводы, которые могли бы об этом свидетельствовать:

- 1) деепричастие характеризует второстепенное действие / состояние объекта, а не субъекта главной клаузы, как это обычно для деепричастия, и как будто составляет вместе с объектом пару «логический субъект – логический предикат» (*вас соврамши = вы соврали; меня выпимши = я выпил*);
- 2) глаголы основного высказывания (перформативный глагол, ведущий себя как *verbum dicendi* *поздравлять*, *verbum sentiendi* *видеть*, *verbum putandi* *знать*), на первый взгляд, контролируют вложенную предикацию, то есть оборот «винительный с деепричастием», являющийся наследником accusativus cum participio, тем более что, по данным древних памятников, причастие утрачивало согласование по падежу уже очень давно, и аналогичный процесс шел в родственных балтийских языках;
- 3) на уровне поверхностной трансформации конструкции как будто легко переделяется в предложения с изъяснительным придаточным: *Поздравляю вас, гражданин, что Вы соврали – Она видела, что я выпил – За рулем меня никто не видел, что я выпил – Тебя я не знаю, когда ты выпьешь*.

Таким образом, теоретически возможно принять конструкции (20)–(24) за реликт употребления participium praedicativum, соотносимого с прямым объектом, в конструкции accusativus cum participio.

3. ИНАЯ ТРАКТОВКА АНАЛИЗИРУЕМЫХ ПРИМЕРОВ

Однако, рассмотрев примеры (20)–(24) более пристально, мы пришли к выводу, что считать их реликтом accusativus cum participio поспешно: при всем внешнем конструктивном сходстве обнаруживается, на наш взгляд, существенная разница как в функционировании, так и в семантике приводимых русских оборотов по сравнению с классическим accusativus cum participio. Кроме того, исторические данные как об этом обороте, так и об истории русских деепричастий также ставят под сомнение, что приведенные русские высказывания – реликт

accusativus cum participio. В лучшем случае наблюдается типологическое сходство (и то условное), а не генетическая преемственность. Приведем аргументы в пользу нашей точки зрения.

3.1. Аргумент первый: исторический

Как известно, магистральная линия развития деепричастия в русском языке – это специализация на обозначении добавочного действия того же субъекта, что и основного высказывания. Деепричастие современного русского языка относится к конвербам с имплицитным субъектом (an implicit-subject converb), кореферентным с субъектом главной клаузы. Для данных конвербов кореферентность с субъектом основного высказывания является типичной (typical), тогда как некорреферентность – нетипичной (unusual) [Haspelmath 1995, p. 10]. Следовательно, употребление деепричастий, которые были бы кореферентны с объектом основного высказывания – явление для русского языка маргинальное. Вторичная функция русского деепричастия, развившаяся в диалектах и проникшая в просторечие, – это сказуемое с семантикой перфекта (результатива) [Горшкова, Хабургаев 1981, с. 336]. Как отмечает В. В. Колесов, конструкции вроде (25) *Весь опуши*, (26) *Был вставши*, (27) *Я приехатчи, учнут запершися сидеть* – это новое явление русского языка [Колесов 2005, с. 599], возникшее уже тогда, когда была сформирована категория деепричастий: ср. также

(28) Он уехавши;

(29) У мя в колхозе наработавши много [Горшкова, Хабургаев 1981, с. 336];

(30) Она была поевши [Пожарицкая 1997, с. 111];

(31) Он не жрамши [Добрушина 2014, с. 100];

(32) Мая сястра давно замаш туды вышаццы;

(33) Корова нядавна тялифшы [Wiemer, Giger 2005, с. 24] (псковский говор);

(34) Здесь растаявши [там же, с. 30] (псковский говор).

Заметим, что мы не нашли ни одного примера, когда бы в качестве сказуемого функционировало деепричастие несовершенного вида с семантикой процесса: **Он жря и выпивая*. С. К. Пожарицкая отмечает в некоторых говорах разрушение перфекта, когда формы деепричастий на *-вши* или *-мши* конкурируют с формами на *-л*, начинают образовываться не только от глаголов перехода в новое состояние, и в результате забывается семантическая противопоставленность этих форм: (35)

Она хорошо рисовавши [Пожарицкая 1997, с. 112]. Однако даже такое употребление за рамки прошедшего времени не выходит.

3.2. Аргумент второй: формальное ограничение на образование

В (20)–(24) и подобных примерах функционируют только деепричастия с суффиксом *-вши* / *-мши* (или другие просторечные варианты с вокалическим исходом на /И/) (см. [Добрушина 2014, с. 100]). Нам не удалось найти ни одного примера с формой деепричастия вроде **Поздравляю вас соврав*, **Это она выпив меня видала*, **Тебя я выпив знаю* – очевидно, потому что, во-первых, как пишут К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев, «...в плане относительной хронологии собственно деепричастное употребление нечленных причастий предшествовало их использованию в качестве сказуемых...» [Горшкова, Хабургаев 1981, с. 354]¹, а во-вторых, «... “нового перфекта” (представленного хотя бы отдельными примерами), не оказывается только в говорах Ростово-Суздальской земли и ее колоний (чем и объясняется отсутствие его в системе литературного языка, нормы которого формировались под влиянием диалекта Москвы)» [там же, с. 337]. Следовательно, выведение форм на *-мши* / *-вши* непосредственно из потерявшего словоизменение древнего *participium praedicativum* будет неуместным анахронизмом.

3.3. Аргумент третий: семантическое и функциональное ограничение

Анализируемые примеры (20)–(24) маргинальны. В преобладающем большинстве случаев подобные деепричастия ведут себя как:

1) стандартные деепричастия:

(36) Смотрите: похождения в окрестностях Вязников и в самом городе я честно описал, не совравши (А. Пермяков. Петушки – Москва. Поехал);

2) просторечные сказуемые с перфектной семантикой:

(37) А мы не жрамши, не пимши, на билеты последнее истратили (М. Тарковский. Кондромо);

3) типичные деепричастные наречия, выражающие состояние того же субъекта, что и в основном высказывании, и затушевывающие таксисное значение предшествования:

(38) Да выпил он, должно, он дурной выпимши (В. Шукшин. Материнское сердце);

¹ См. также об этом в [Колесов 2005, с. 599].

(39) Я тоже сижу иногда без обеда, не жрамши (В. Славкин. Картина);

4) деепричастия в составе сложного сказуемого (если логический акцент падает на деепричастие):

(40) Новый год, к примеру, или женский день. Хоть выпимши придут, а гостинцы принесут (В. Пронин. Самоубийство).

Кроме того, конструкция *accusativus cum participio* контролируется глаголами восприятия (чаще других), мысли, речи, одобрения-порицания¹. Поскольку глаголы восприятия связаны прежде всего с актуальным состоянием, в абсолютном большинстве случаев присоединенное причастие – это действительное причастие настоящего времени (или его неизменяемый балтийский реликт), в крайнем случае – прошедшее причастие с контекстной семантикой результата действия (см. пример (7)). Семантика процессуальности воспринимаемой ситуации оказывается принципиально важной, так как она показывает динамическое развертывание (41) *Nobody noticed the scouts approach the enemy trench*, подчеркивает, что разница между (41) и, например, (42) *Nobody noticed the scouts approaching the enemy trench* заключается в аспектуальном представлении процесса (in the aspective presentation of the process) [Blok 1994, с. 108]. Сочетаемость же деепричастий вроде *выпимши* далеко превосходит глаголы указанных групп: в частности, подобные деепричастия сочетаются с непереходными глаголами состояния или процесса *сидеть, лежать, ходить* и функционируют или как обстоятельства образа действия (или сопутствующего состояния), или как часть сложного сказуемого, причем всегда с результативной, а не с процессуальной семантикой.

3.4. Аргумент четвертый: синтаксическое ограничение

Этот аргумент следует из предшествующего. Адвербиальная семантика деепричастий вроде *выпимши* блокирует их свойство сочетаться с обычными глагольными актантами или сирконстантами. Так, в примеры (20)–(24) подставить к форме на *-мши(-вши-)* какой-нибудь актант или сирконстант проблематично: **Поздравляю вас, гражданин, нагло мне соврамши*; **Это она выпимши водку меня видала*, потому что перед нами – полуадвербиализованная форма с самодовлеющей семантикой образа действия /

сопутствующего состояния. Допустимо, на наш взгляд, подобно Г. Паулю, говорившему о деградации сказуемого, выраженного глаголом в личной форме, и превращении его в определение, когда «одно из двух сказуемых... может логически подчиняться другому, так что после этого можно заменить его придаточным предложением...» [Пауль 2014, с. 166], говорить здесь о деградации сказуемого и превращении его в обстоятельство сопутствующего состояния. Исходное же *participium praedicativum* сохраняет возможность управления теми же актантами и сирконстантами, что и глагол.

3.5. Аргумент пятый: типологические данные

Подлинные реликты оборота *accusativus cum participio*, даже если они довольно сильно меняют поверхностно-морфологические и поверхностно-синтаксические свойства конструкции, в любом случае должны сохранить неизменными ее глубинно-семантические свойства: глагол физического восприятия, речи или мысли управляет пропозициональным актантом со значением «субъект и его процессуальный признак»². Так, неизменяемый конверб в балтийских языках и отмеченные А. А. Пичхадзе случаи неизменяемости славянских *participium praedicativum* в примерах (9)–(13) – пример на весьма слабое поверхностно-морфологическое изменение конструкции. Любопытный пример более существенного внешнего изменения конструкции *accusativus cum participio* при сохранении ее глубинной структуры есть, на наш взгляд, в сербском языке. В данном языке нет регулярного действительного причастия настоящего времени, однако при глаголах восприятия (и только при них) функционирует особая конструкция, в которой пропозициональный актант присоединяется при

¹ См. об этом: [Амбразас 1990, с. 142; Булыгина, Синёва 2006, с. 110; Сталтмане 2006, с. 177; Соболевский 2009, с. 329–330; Аркадьев 2011, с. 44].

² Об этом, в частности, свидетельствует следующий факт: при том, что в балтийской конструкции *accusativus cum participio* конвербы чаще всего неизменяемые (см. примеры (14)–(19), согласно данным В. И. Амбразаса, в литовском и латышском языках возможны склоняемые формы причастий, но «... лишь в тех конструкциях, где аккумулятив имени осмысливается как объект глагола, например: (43) литов. *Išvydau savo dukrele (ACC.SG.F) besėdiničią (PprA.ACC.SG.F)* ... «Увидел свою дочку сидящую»; латыш. (44) *Kristīne māti (ACC.SG.F) jau atrada argulīšo (PprA.ACC.SG.F)* ... «Кристина уже нашла мать лежащую (в постели)». А когда объектом восприятия является не аккумулятив имени, а само действие, «... обычно употребляются несклоняемые формы» [Амбразас, 1990, с. 61]. Кроме того, в этих языках, по данным В. И. Амбразаса, отмечается и *genetivus cum participio* с тем же семантическим различием в употреблении склоняемых и несклоняемых причастных форм: (45) литов. *Pamatysi auštrant auštrą ir saulele (GEN.SG) užtekancią (CONV1.PRES.GEN.SG.F)* «Увидишь, как рассветает заря и восходит солнышко»; (46) латыш. *Neticēju māmiņas (GEN.SG.F) sūru dienu redzējušas (PprA.GEN.SG.F)* «Я не верила, что матушка видала горький день» [там же, с. 162].

помощи коннектора *како* (реже *где*) и выглядит практически как классическое придаточное с финитной глагольной формой, только субъект этого придаточного стоит в главной части, зависит от глагола главной части и выражается винительным падежом, например:

(47) Било ми је лепо да гледам овце, и кера (ACC.SG.M) како (CON) трчкара (VF.3.SG.) око њих «букв. Мне было приятно смотреть (на) овец и собаку, как бегают вокруг них» (*Љильана Хабјановић Ђуровић. Гора преображења*);

(48) Гледах пиле (ACC.SG.N) на црној табли где (CON) трчи (VF.3.SG.) у кругу, обележеном белом кредом. Гледах га (ACC.SG.N) дуго како (CON) трчи (VF.3.SG.) ... букв. «Я смотрел (на) цыпленка на черной доске, где бегают в круге, обозначенном белым мелом. Я смотрел на него долго, как бегают...» (*Св. Николај Велимировић, Молитве на језеру*).

Как мы показали в пунктах 3.3 и 3.4, интересующие нас контексты (20)–(24) глубинно-семантические свойства *accusativus cum participio* не сохраняют. Заметим, что при переводе примеров (1) и (4) из Мф. 4:18 и Мк. 6:49 на русский язык либо сохраняется архаический *accusativus cum participio* (*Они, увидев его идущего по морю, подумали...* – Синодальный перевод), либо смысл высказывания передается обычным придаточным изъяснительным, в котором уже нет предикативного причастия (*Они же, увидев, что Он ступает по морю, подумали...* – перевод епископа Кассиана (Безобразова)), либо же фраза воспринимается носителями русского языка как содержащая обычное *participium attributivum* в составе причастного оборота (*Он увидел двух братьев... закидывающих сети в море* – Синодальный перевод, тождественный переводу еп. Кассиана (Безобразова)). Во втором и третьем случаях перевода о сохранении глубинной структуры *accusativus cum participio* речи не идет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В примерах (20)–(24) мы имеем дело лишь с внешним, поверхностно-синтаксическим подобием обороту *accusativus cum participio*, тогда как глубинно-семантические свойства подобных конструкций другие. Так, примеры (20) и (21) представляют собой контаминацию двух предикативных конструкций, одна из которых – разговорная, эллиптированная и является полусвернутой предикацией, возникшей из развернутой с деепричастием в роли сказуемого (*Гражданин*

соврамиш). Иными словами, о настоящем контроле глаголом *поздравляю* деепричастной формы *соврамиш*, сопряженной с логическим субъектом *вас*, речи идти не может. Форма *вас* – это присловный объектный распространитель того же глагола *поздравляю*. Вся конструкция напоминает *accusativus cum participio* исключительно внешне. Ту же самую контаминацию полной и эллиптированной конструкции мы можем, например, наблюдать в примере (38), где *выпиши* – это полусвернутая и эллиптированная предикация (*когда выпьет*), ставшая обстоятельством образа действия-сопутствующего состояния.

Примеры же (22), (23) и (24) представляют – в самом лучшем случае – типологическую преемственность с оборотом *accusativus cum participio*: *выпиши* здесь выступает в адвербиальной функции (*в пьяном виде*), но в контексте – то есть функционально-семантически, а не исходно – начинает проявлять не только наречную (обстоятельственную) зависимость от глагола *видал(а)*, *знаю*, но и соотносительность с объектом *меня*, *тебя*, который – опять же, в контексте и в соотношении с формой *выпиши* – начинает проявлять свойство субъекта-носителя результативного состояния. Соотношение с оборотом *accusativus cum participio* если и есть, то вторичное.

Список сокращений

ACC – аккузатив (винительный падеж);

GEN – родительный падеж;

SG – единственное число;

DUAL – двойственное число;

PL – множественное число;

M – мужской род;

F – женский род;

N – средний род;

PprA – действительное причастие настоящего времени;

PpstA – действительное причастие прошедшего времени;

PprP – страдательное причастие прошедшего времени;

ADVP.PRES – деепричастие настоящего времени;

ADVP.PST – деепричастие прошедшего времени;

CON – коннектор (союз или местоимение);

VF – спрягаемый глагол;

3 – третье лицо.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Альбрехт Ф. Б. К вопросу о моносубъектности / немонасубъектности деепричастного оборота и основного высказывания в современном русском языке // *Slověne*. 2020. Vol. 9, № 2. С. 244–273.
2. Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть: Морфология и синтаксис. СПб.: Издательство Олега Абышко; Университетская книга – СПб, 2009.
3. Пичхадзе А. А. О предикативном vs. атрибутивном употреблении причастий в древнерусском: неизменяемые причастия // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 10. 2016. С. 499–515.
4. Аркадьев П. М. Проблемы синтаксиса конструкций «accusativus cum participio» в литовском языке // *Вопросы языкознания*. 2011. № 5. С. 44–75.
5. Булыгина Т. В., Синёва О. В. Литовский язык // *Языки мира: балтийские языки* / гл. ред. В. Н. Топоров. М.: Academia, 2006. С. 93–155.
6. Векслер Б. Х., Юрик В. А. Латышский язык. Самоучитель. Рига: Звайгзне, 1987.
7. Сталтмане В. Э. Латышский язык // *Языки мира: балтийские языки* / гл. ред. В. Н. Топоров. М.: Academia, 2006. С. 155–193.
8. Брейдак А. Б. Латгальский язык // *Языки мира: балтийские языки* / гл. ред. В. Н. Топоров. М.: Academia, 2006. С. 193–213.
9. Haspelmath, M. (1995). The converb as a cross-linguistically valid category // Haspelmath, M., König, E., eds. *Converbs in Cross-Linguistic Perspective (Empirical Approaches to Language Typology, 13)*, Berlin, New York, 1–55.
10. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.
11. Колесов В. В. История русского языка. СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005.
12. Пожарицкая С. К. Русская диалектология. М.: Издательство МГУ, 1997.
13. Добрушина Е. Р. Корпусные исследования по морфемной, грамматической, лексической семантике русского языка. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2014.
14. Wiemer, B., Giger, M. Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte). München, 2005.
15. Амбразас В. И. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс: Мокслас, 1990.
16. Blokh, M. Y. (1994). *A course in theoretical English grammar*. Moscow: Vysshaya shkola.
17. Пауль Г. Принципы истории языка. М: URSS, 2014.

REFERENCES

1. Albrecht, F. B. (2020). K voprosu o monosubyechnosti / nemonosubyechnosti deeprichastnogo oborota i osnovnogo vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke = On the problem of subject identity in the construction “adverbial participle + main clause” in modern Russian. *Slověne*, Vol. 9, № 2, 244 – 273. (in Russ.).
2. Sobolevskij, S. I. (2009). *Grammatika latinskogo yazyka. Teoreticheskaya chast': Morfologiya i sintaksis* = The Grammar of Latin. The Theory: Morphology and Syntax. Saint-Petersburg: Izdatelstvo Olega Abyshko; Universitetskaya kniga – SPb. (in Russ.).
3. Pichkhadze, A. A. (2016). O predikativnom vs. atributivnom upotreblenii prichastij v drevnerusskom yazyke: neizmen'ayemye prichastiya = Predicative vs. attributive participles in Old Russian: indeclinable participles. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 10, 499–515. (in Russ.).
4. Arkadyev, P. M. (2011). Problemy sintaksisa konstrukcij «accusativus cum participio» v litovskom yazyke = The Problems of Syntax of the Accusativus cum Infinitivo constructions in Lithuanian. *Voprosy yazykoynaniya*, 5, 44–75. (in Russ.).
5. Bulygina, T. V., Sinjova O. V. (2006). Litovskij yazyk = The Lithuanian Language. In Toporov, V. N. (ed.), *Yazyki mira: baltiyskie yazyki*. Moscow: Academia, 93–155. (in Russ.).
6. Veksler, B. H., Yurik, V. A. (1987). *Latyshskij yazyk. Samouchitelj* = The Latvian Language. The Tutorial Book. Rīga: Zvaigzne. (in Russ.).
7. Staltmane, V. E. (2006). *Latyshskij yazyk* = The Latvian Language. In Toporov, V. N. (ed.), *Yazyki mira: baltiyskie yazyki*. Moscow: Academia, 155–193. (in Russ.).
8. Brejda, A. B. (2006). *Latgaliskij yazyk* = The Latgalian Language. In Toporov, V. N. (ed.), *Yazyki mira: baltiyskie yazyki*. Moscow: Academia, 44–75. (in Russ.).
9. Haspelmath, M. (1995). The converb as a cross-linguistically valid category // Haspelmath, M., König, E., eds. *Converbs in Cross-Linguistic Perspective (Empirical Approaches to Language Typology, 13)* (pp. 1–55). Berlin, New York.
10. Gorshkova, K. V., Haburgaev, G. A. (1981). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* = The Historical Grammar of the Russian Language. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russ.).
11. Kolesov, V. V. (2005). *Istoriya russkogo yazyka* = The History of the Russian Language. Saint-Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moscow: Izdatel'skij centr “Akademiya”. (in Russ.).

12. Pozharitskaya, S. K. (1997). Russkaya dialektologiya = The Russian Dialectology. Moscow: Izdatel'stvo MGU. (in Russ.).
13. Dobrushina, E. R. (2014). Korpusnye issledovaniya po morfemnoj, grammaticeskoy, leksicheskoy semantike russkogo yazyka = The Corpus Studies in Morphemic, Grammar, Lexical Semantics of Russian. Moscow: Izdatel'stvo Pravoslavnogo Sv'ato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. (in Russ.).
14. Wiemer, B., Giger, M. Resultativa in den nordslavischen und baltischen Sprachen (areale und grammatikalisierungstheoretische Gesichtspunkte). München, 2005.
15. Ambrazas, V. I. (1990). Sravnitel'nyj sintaksis prichastij baltijskih yazykov = The Comparative Syntax of Participles in Baltic Languages. Vilnius: Mokslas. (in Russ.).
16. Blokh, M. Y. (1994). A course in theoretical English grammar. Moscow: Vysshaya shkola.
17. Paul, H. (2014). Principy istorii yazyka = The Principles of the Language History. Moscow: URSS. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Альбрехт Федор Борисович

кандидат филологических наук, доцент
 заведующий кафедрой русского языка и стилистики Литературного института им. А. М. Горького
 доцент кафедры русского языка как иностранного
 Московского государственного лингвистического университета
 доцент кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albrecht Fedor Borisovich

PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of the Russian language and Stylistics, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing
 Associate Professor at the Department of Russian as a Foreign Language, Moscow State Linguistic University
 Associate Professor at the Department of General Linguistics, Moscow State Pedagogical University

Статья поступила в редакцию 26.09.2022
 одобрена после рецензирования 20.10.2022
 принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 26.09.2022
 approved after reviewing 20.10.2022
 accepted for publication 14.11.2022